

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-380-389

Научная статья

«Мародеры всего лишь экспроприируют то, что иначе купили бы...»

К феноменологии современного протеста в США

С.А. Воронин, Б.Г. Якеменко

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье анализируется феномен социальных протестов, которыми оказались охвачены США в 2020 году. Рассматривается эволюция понятий «жертвы» и «искупления» в современном общественном сознании США и Европы. Анализируются причинно – следственные связи происходящего, явления, сопутствующие протестам, в частности, мародерство, которое воспринимается протестующими не как маргинальное явление, а как необходимое условие восстановления социальной справедливости.

Ключевые слова: США, протест, фloyd, мародерство, жертва, искупление

Весной 2020 г. после гибели чернокожего Д. Флойда от рук полицейского, США охватили массовые протесты, в ходе которых совершались масштабные погромы и поджоги магазинов, убийства и насилие в отношении белого населения, снос и осквернение памятников политическим и общественным деятелям, объявленным «расистами». При внимательном рассмотрении нельзя не прийти к выводу, что то, что сегодня происходит в США, является не спонтанным волеизъявлением определенных групп населения и не спланированной провокацией тех или иных политических кругов. Корни проблемы лежат гораздо глубже, она отражает очень многие социальные и духовные подвижки в сознании современной цивилизации, подвижки, которые сегодня появляются в форме погромов и насилия.

Начать следует с констатации очень важной особенности современного социального пространства Старого и Нового Света. Исследователями Д. Леви и Н. Шнейдером было констатировано, что нынешняя переломная эпоха маркирована, в частности, сменой мемориальных паттернов [1. Р. 87–106]. Эта смена, по их мнению, выражается в том, что эпоха национальной памяти, начавшаяся в 1960-х гг., когда основной опорной фигурой памяти был Герой, действующий в национальных рамках, вытесняется временем космополитической памяти, главной фигурой которой становится вненациональная

© Воронин С.А. Якеменко Б.Г., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Жертва, существующая в пространстве, не ограниченном ни национальными, ни культурными, ни религиозными рамками. Если первая направляет процессы, формирующие память, «сверху» и с помощью социальных и политических институтов создает пространство памяти и фигуру Героя, то вторая ориентирована на восходящие «снизу» голоса Жертв, голоса, из которых складывается ткань памяти (1). И если фигура Героя закрывает прошлое, то фигура Жертвы открывает будущее. Как способность к рефлексии, так и обмен воспоминаниями стимулирует память об общем прошлом. Данная трансформация связана с тем, что сегодня в Европе и США в результате глобализационных процессов все большее число людей перестает определять себя только через принадлежность к определенной нации или этносу.

В этих условиях закономерно обостряется историческая память, возникают вопросы – в каких формах теперь происходит осознание произошедшего, сохраняется ли у нынешних поколений возможность объективно судить о событиях, к которым эти поколения не имеют прямого отношения? Возможно ли в новых условиях объективно судить о произошедшем и какова степень этой объективности? Происходящее в США в рамках этих тенденций можно рассматривать как репрезентацию новых форм памяти через актуализацию старых обид и попытки утвердить за целыми национальными сообществами статус жертв.

На «тренде» жертвы, все более активно занимающем ментальное пространство как Старого, так и Нового света, необходимо остановиться подробнее. В рамках этого тренда общее и личное прошлое, бывшее ранее источником радости, гордости, вдохновения, величия, славы, надежд (это хорошо видно по праздникам типа 40-летия Победы в России или 200-летия Французской революции на Западе), сменяется прошлым, замешанным на слезах, трагедиях и разочарованиях [2. Р. 275–284], а главным предметом споров, о чем бы они ни велись, становится вопрос – могло ли быть еще хуже или все-таки мы легко отделались?

Данный тренд приводит к ощущению, что мир вокруг нас полон опасностей, представляющих собой долгосрочные следствия копившихся веками пороков и дурных наклонностей, решивших именно сейчас выйти из многовековой тени к свету. Травма становится призмой, через которую рассматривается абсолютно все и которая уравнивает всех пострадавших и потерпевших. Любой разговор напоминает беседу больных у Зощенко, хвастающихся болезнями, пространство СМИ захватывает тема бытового насилия – жертвы сексуального насилия спустя годы вдруг начали сводить счеты с бывшими начальниками и любовниками, обострилась тема домашнего насилия и насилия в отношении детей. Комплекс жертвы охватывает самые разные социальные слои и группы, возникают потерпевшие от государства, общества, соседей. Общество как масштабную, объективную живую историю героев сменяет социум как частная, рыхлая, субъективная история побежденных, травма становится важнейшим маркером, определяющим социальную и политическую жизнеспособность общества. Не случайно за последние годы на Западе и в России наблюдается стремительный рост «историографии травмы».

В этих условиях неизбежно возникает «конкуренция жертв», когда уровень «моральной экономики» измеряется по способности не только победить ближнего количеством и ужасом пережитых страданий, но и конвертировать их в комфортное будущее. «В настоящее время коллективная идентичность многих групп основана на их виктимизации в прошлом, – пишет Э. Содаро, – и часто подкреплена спорной идеей, что «виктимизация есть знак достоинства». Переход политической и моральной силы от победителей к жертвам делает прошлое одной из важнейших проблем современности... Учитывая огромное число жертв, унесенных XX веком, неудивительно, что именно виктимизация стала значимым политическим, моральным и социальным инструментом» [3. С. 91].

«Прошлое не ушло из повестки дня, только теперь это не золотой век, о котором прежде так много говорилось в социальном дискурсе, – в нем видится нечто ужасное, отвратительное» [4. Р. 122], – пишет Д. Олик. Трагическая память, заполненная гекатомбами жертв, начинает становиться инструментом создания новой политической реальности, в которой жертва приобретает совершенно особый статус. Поэтому жертвы насилия охотно делятся альковными подробностями в сетях и пабликах, становятся звездами ток-шоу, предъявляют на всеобщее обозрение раны, кровоподтеки, разбитые машины. По способности сострадать и помогать жертвам оцениваются лидеры, государства и общества – хорош тот правитель, который много жертвует (милостыня – знак, что ты жертва, даже если ты себя таковой не считаешь), хорошо то государство, которое жалеет, страдает и прощает. Термин «посттравматическое расстройство» из научного лексикона стремительно врывается в повседневный язык.

Состояние жертвы очень выгодно – приятно, когда тебя жалеют и ты можешь не стыдиться своей боли и слез. Когда ты жертва – ты точно ни в чем не виноват. Состояние жертвы обнуляет весь предыдущий опыт, он становится не нужен, так как страданиями и переживаниями, как оказывается, можно тоже нажать неплохой капитал. Мало того, если жалеем жертву, то обязаны осудить героя, ибо жертва всегда нуждается в легитимации своего статуса извне. В этих условиях закономерно подтверждается, что быть проигравшим выгодно – жертва не должна оправдываться и что либо объяснять, в отличие от победителя. При этом в «пространстве травмы», как и за пределами этого пространства, тут же начинается селекция – эстрадная «звезда», единожды поколоченная мужем, оказывается гораздо большей жертвой, чем женщина из провинциального города, регулярно избиваемая мужем-алкоголиком. Убитый полицейским чернокожий уголовник жертвенен, а вступившийся за женщину и осужденный за превышение необходимой обороны белый получает по заслугам. И так далее.

Как только определяется амбивалентная структура «Преступник/жертва», встает вопрос о прощении и его формах. Дискуссии о том, что такое прощение и в каких формах оно должно существовать, чтобы быть адекватным вине, ведутся с момента окончания Второй мировой войны [5. С. 47–67]. Мы видим, как «обвиняемые» массово «просят прощения» (вернее, их вынуждают просить) –

становятся на колени, выступают с покаянными заявлениями, соглашаются со сносami памятников. Однако «жертвы» не торопятся прощать – для них все указанные акции лишь средство убедиться в собственной правоте и легитимизировать компенсационные процессы, которые выражаются преимущественно в грабеже и мародерстве (по точному выражению Д. Леви и Н. Шнайдера, происходит «конвертация прощения в деньги» [5. С. 58–59]), то есть происходит торговля статусом жертвы, когда в полном соответствии с законами рынка именно жертва определяет стоимость страданий.

В координате этих тенденций становятся закономерными выступления, охватившие США. Поскольку они сопровождаются погромами и насилием, которые в общественном сознании всегда имели отрицательные коннотации, возникает необходимость оправдания этих действий, придания им легитимного статуса. Ключевым положением этого оправдания становится то, что право на погромы дано протестующим их трагической историей вековечного унижения и угнетения, хотя в США чернокожих уже никто не угнетает минимум полвека.

Поэтому грабеж, насилие, убийства – все справедливо. «Когда цветные грабят магазин, они забирают мизерную долю того, что было исторически украдено у них, – пишет журналист Вики Оствервейл. – Когда бунтовщики захватывают территорию и грабят, они показывают, каким образом в пространстве без полицейских можно разрушить отношения собственности и получить вещи бесплатно... И в самом деле, – продолжает она, – почему нельзя использовать возможность улучшить свое благосостояние, сделать жизнь лучше, легче или комфортнее?.. Только если вы верите, что получить хорошие вещи бесплатно аморально, если вы верите, что нынешний режим собственности справедлив, тогда вы способны поверить, что мародерство аморально само по себе... Мародеры всего лишь ... экспроприируют то, что иначе купили бы – например, спиртное, – но это все равно представляет собой средство, с помощью которого бунты помогают обществу, предоставляя людям возможность решить некоторые из своих насущных проблем и создавая пространство для свободного воспроизводства своей жизни, а не делая это с помощью наемного труда» [6]. Примечательно, что если подставить в этот текст слова «насилие», «убийство», «поджоги» – ничего не изменится. «Свободное воспроизводство жизни» не прекратится. Мощь и масштаб вопиющей к отпущению истории угнетенных столь велики, что выровнять чаши весов невозможно. Сколько бы ни кляли «обвиняемые» на свою, чаша «жертв» все равно не сдвинется с места.

Отсюда желание воскрешать концепцию «коллективной вины», против которой был после Второй мировой войны даже Карл Ясперс, ставить назначенных виновными и особенно полицию, на колени. Необходимо подчеркнуть, что этот акт полностью лишает прав коленопреклоненных, это знак глобального согласия на все, предания себя в руки победителей, капитуляции на любых условиях, готовности каяться даже за то, что не совершали. После этого невозможно уравнивать шансы – это стояние на коленях останется навсегда знаком тотальной потери достоинства из-за глобального проигрыша побежденным и неизбежно откроет эпоху вывернутого наизнанку расизма.

Из этого закономерно вытекает, что погибший уголовник возносится на знамена, освящая и осеняя своей праведной смертью прежде всего всех уголовников, закономерно, что учреждается премия его имени, нет сомнения что будет ему и памятник. Это тоже тенденция. В США, толком не воевавших во Второй мировой войне, плохо различают жертву Освенцима и жертву пьяной драки в пивной, считают, что музыкант, отмороживший руки в Дахау, и обитатель национального квартала, избитый полицейскими за украденный арбуз, достойны одинаковой чести и компенсации – ведь оба они жертвы.

Абсурд ситуации здесь и в том, что внезапно объявившиеся «жертвы» расизма, не заставшие колониальных процессов и не испытывавшие расизма, требуют от «виновных» покаяния в расизме, которого они тоже не выражали и признания ответственности за колониальное прошлое, к которому они не имели отношения. Таким образом, понуждая «виновных» к покаянию, «жертвы» получают «знак покаяния» (вставание на колени, жесты, ритуалы, не наполненные ничем, так как вины кающиеся не испытывают), который, разумеется, не может никого удовлетворить. Результатом работы этого искусственно созданного «фантома памяти» становится отнюдь не фантомное насилие и не фиктивное мародерство.

Еще одна причина происходящего – попытка снизу вернуть переживающей глубокий кризис демократии ее реальный смысл, вновь сделать ее властью сознательного большинства. Однако здесь есть одна серьезная проблема. Современные революции – это революции без ведущего класса, носителя идей, собственно революционеров, вокруг которых группируются люмпены в качестве боевой силы. Особенность нынешних революций в том, что они без революционеров. И это не сегодня началось – революция 1990-х – это буржуазная революция без буржуазии, то есть без носителей морали и ценностей. А только при наличии ценностей и морали оправдано насилие. Нынешние революции начинают с насилия, в надежде, что потом все само образуется. В итоге новый «правлящий класс» создается искусственно, назначается из самых активных погромщиков.

Поскольку демократия – это прежде всего система идей, утверждаемых на форумах и агорах, а не на полях сражений и в уличных драках, попытка вернуть сознательному большинству власть оборачивается кратковременной властью маргинального меньшинства. Основа революции – борьба идей. Основа квазиреволюции – погром магазинов. Погромом можно захватить кабинет, но не власть. Здесь важно и то, что это меньшинство все время требует от власти гарантий, льгот и благ, хотя тем, кто решает исторические судьбы стран, гарантии не нужны – они их дают сами. Иначе они не могут действовать свободно. Соответственно из тех, кто кланчит, невозможно создать и гражданское общество, которое нужно для того, чтобы люди цивилизованно, демократически выясняли отношения и утверждали позиции.

Там, где расстановка позиций осуществляется насилием, нет общества – есть стая, где любой несогласный вызывает настороженность. Стая, погромщики, насильники – это не субъект для диалога, это пустота. Свобода, демократия не могут быть брошены в пустоту. Они делегируются кому-то, субъекту, а

не никому, безличной массе. И поэтому никакого результата быть не может. То есть все вернется назад. Только еще в худшем виде, так как власть будет сильно напугана и постарается сделать все, чтобы это не повторилось.

Еще одна проблема. То, что происходит в Америке и в Европе, стало следствием проблем, которые копились годами. Так, уже более 30 лет во всем западном мире растет неравенство между богатыми и бедными. В США это неравенство в наши дни достигло своего исторического пика, выйдя на уровень 1929 года, то есть года, за которым последовала «великая депрессия». Уже началась отмена государственной медицины, образования, социального обеспечения, различных льгот и пособий. Реальная средняя зарплата американца не увеличивалась с 1973 года и рост благосостояния происходил только за счет кредитной задолженности [7]. Недавно изданный доклад ФРС открыто говорит о том, что 2/3 американских домохозяйств не в состоянии набрать 400 долларов наличных, не продав имущество или не заняв у родственников или друзей. С 2008 года 70% американцев сократили свои расходы на отпуск и развлечения, 40% стали тратить на текущие нужды накопления на старость и обучение детей, 29% начали одалживаться у близкого круга [8].

В крупнейших странах Старого света вводится повсеместно политика «жесткой экономии», вызывающая постоянные забастовки. Во Франции планируется повышение возраста, с которого наступает право на полное пенсионное пособие с 65 до 67 лет – содержать стариков нет возможности [9]. Не растут зарплаты, но растет безработица, которая достигла с начала века максимального уровня, грядет 75-процентный налог на годовой доход свыше миллиона евро, из страны бежит молодежь и предприниматели. У Испании дефицит бюджета около 10% от ВВП. Зарплаты госслужащих были урезаны на 5%, а в дальнейшем будут заморожены [10]. В Великобритании в конце октября 2014 года премьер-министр представил план, включающий сокращение социальных гарантий, повышение пенсионного возраста до 66 лет [11]. «Как же это так, – недоумевают исследователи Д. Хиз и Э. Поттер, – мы в состоянии производить столько богатства и в то же время не можем обеспечить сколь угодно заметные улучшения в плане жизни людей? Мы постоянно слышим о том, что как общество мы больше не можем позволить себе иметь бесплатную медицину и бесплатное образование. Но если мы не можем позволить это себе сейчас, то как же мы могли пользоваться этими благами тридцать лет назад, когда страна производила вдвое меньше? Куда же деваются деньги?» [12].

Деньги деваются в явление, которое Н. Гринвич (республиканец и кандидат в президенты США) точно обозначил как «кумовской капитализм». То есть деньги общества, которому все равно не поможешь, тратятся богатыми на спасение друг друга, а не страны. Лестер К. Туроу отмечает, что в 1980-е годы 64% роста зарплат пришлось на долю всего 1% работников, то есть топ-менеджеров. Средний заработок управляющих пятисот крупнейших компаний США в то время повысился в среднем с 35 до 157 зарплат среднего рабочего [13. С. 125]. С. Костяев констатирует: «...По данным исследования, проведенного в Массачусетском технологическом институте и Федеральной резервной системе, с 1970-х годов доходы руководителей корпораций с учетом

инфляции выросли в четыре раза, тогда как заработки 90% американцев не изменились. В 1970 году зарплата руководителя корпорации в 28 раз превышала зарплату рядового сотрудника, а к 2005 году это соотношение выросло до 158 раз. В исторической перспективе США вернулись к ситуации 1920-х годов» [14].

Кроме того, значительное количество людей начинают чувствовать, что незаметно произошла сегрегация, когда тебя, не спрашивая, приобщили к постоянно растущей массе тех, кто опоздал к празднику жизни и дележу пирога. Все большее количество людей исключается из политических, социальных, культурных процессов, их голоса не слышно в СМИ, их мнение не учитывается, государство не видит их как граждан, а общается с ними, как с массой через милостыню – пособия, подачки, выплаты, – а также через полицию и чиновников, которым эта масса отдана на аутсорс. «Делайте с ними, что хотите, только чтобы было тихо». Эти люди никогда не займут никакие посты и должности не потому, что у них нет способностей – их просто не пустят.

Они это видят, понимают, чувствуют. И бунты, поджоги, погромы – это сегодня единственный способ обратить на себя внимание (не случайно у этих протестов нет никакой содержательной повестки). Так нередко ребенок задает десятки глупых вопросов родителям не для того, чтобы получить ответ, а чтобы мамаша, наконец, отклеилась от телефона и повернула в его сторону голову. В этой логике ИГИЛ взрывали бамианские статуи Будды и громили музеи, и главным посылом этого варварства было: «Мы здесь! Мы есть! Мы заставим вас говорить с нами!» Поэтому убитый афроамериканец Флойд становится национальным героем, то есть взлетает снизу на самый верх, а сотни тысяч его последователей, доселе обитавших на задворках, вдруг на центральных улицах и площадях заставляют полицейских или белых вставать на колени, каяться, смиряться, разговаривать с ними.

Есть и еще одна проблема. Сегодняшняя «политика» рождается не в кабинетах, а в ток-шоу, и обслуживает не конкретных людей, а абстрактные «ценности демократии». Мало того, сегодня политика и власть разделились и все больше отдаляются друг от друга, а это значит, что политика превратилась в технологию. Однако потребность в политике не просто осталась – она возросла. И из щели между политикой и властью вырастают те самые погромишки, которые создают политическую энергию, то есть насильно генерируют политику, поджигая машины и громя дома. То есть они требуют у элит политики и внимания, как беспризорник, описанный А. Мариенгофом: «Тетя, дайте гривенник, а то в рожу плюну – у меня сифилис» [15].

В заключение необходимо отметить, что происходящее показывает – мультикультурализма больше нет. Значительная часть афроамериканцев так и осталась «афро», не став американцами. Годы жили в национальных кварталах, как в Африке, усвоив лишь одну, главную истину – «белые перед нами виноваты и нам обязаны». Поэтому любая попытка навести среди них порядок, заставить работать, прекратить торговать дурью, немедленно квалифицировалась как национализм, ксенофобия и расовая сегрегация – сами их этому научили, так что жаловаться некому. Они тем временем добивались

своего – никто не просил вас разводить колониальную систему, а теперь не обижайтесь – раньше вы мочили нас, а теперь мы давим вас, так бывает и еще как бывает. И пока государство прикидывалось толерантным, росли протофашистские движения – с 2000 года количество таких групп в США выросло на 56% [16]. Они показывают, что не так страшен национальный вопрос, как ответ на него, который они, а не государство, готовы дать.

Примечание

(1) Как характерное отражение этого подхода в ноябре 2019 г. начал работу сайт, представляющий собой базу жертв нацизма, содержащую более 10 млн человек. См. <https://collections.arolsen-archives.org>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Levy D., Szneider N.* Memory Unbound. The Holocaust and The Formation of Cosmopolitan Memory // *European Journal of Social Theory.* 5 (1).
- [2] *Fassin D., Rechtman R.* The Empire of Trauma: An Inquiry into the Condition of Victimhood. Princeton; Oxford: Princeton University Press. 2009.
- [3] *Эми Содаро.* Мемориальные музеи: возникновение новой формы // Неприкосновенный Запас. Дебаты о политике и культуре. № 6 (128). 2019.
- [4] *Olick J.* The politics of regret. On collective memory and historical responsibility. New York. Routledge. 2007.
- [5] *Даниэль Леви, Натан Шнайдер.* Права человека и конфликты памяти: политика прощения // Неприкосновенный Запас. № 5 (127). 2019.
- [6] *Vicky Osterweil.* In Defense of Looting // *The New Inquiry.* № 21. August. 2014.
- [7] Долги американцев по кредитам поставили новый рекорд. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/08/2019/5d53cdc69a794712daa67cc2>. Дата обращения: 11.03.2020.
- [8] *Paul Craig Roberts, Dave Kranzler, and John Titus.* The De-industrialization of America. URL: <https://www.paulcraigroberts.org/2014/08/11/de-industrialization-america/>. Дата обращения: 11.03.2020.
- [9] Власти Франции решили поднять возраст для получения полной пенсии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/12/2019/5df103529a7947dfd595d94a>. Дата обращения: 15.03.2020.
- [10] Испания снижает прогноз по росту ВВП из-за борьбы с дефицитом. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/05/2010/5703da5e9a79470ab5020e4d>. Дата обращения: 15.03.2020.
- [11] Правительство Британии готовится уволить миллион госслужащих. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/business/pravitelstvo-britanii-gotovitsya-uvolit-million-gos-sluzhaschih?id=31993077>. Дата обращения: 17.03.2020.
- [12] *Хиз Д., Поттер Э.* Бунт на продажу: как контркультура создает новую культуру потребления. М., 2007.
- [13] *Лестер К. Туроу.* Будущее капитализма. URL: <https://www.modernproblems.org.ru/capital/89->. Дата обращения: 11.03.2020.
- [14] *Костяев С.С.* Финансовая реформа в США: основные положения // *Экономические и социальные проблемы России.* № 1. 2012.
- [15] *Мариенгоф А.* Роман без вранья. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000437071/quotes-roman-bez-vranya-anatolij-mariengof>. Дата обращения: 17.03.2020.
- [16] Америка находится на грани фашистского восстания. URL: <https://www.politforums.net/usa/1406135041.html>. Дата обращения: 11.03.2020.

REFERENCES

- [1] Levy D., Szneider N. Memory Unbound. The Holocaust and The Formation of Cosmopolitan Memory. *European Journal of Social Theory*. 5 (1).
- [2] Fassin D., Rechtman R. *The Empire of Trauma: An Inquiry into the Condition of Victimhood*. Princeton; Oxford: Princeton University Press. 2009.
- [3] Amy Sodaro. Memorial museums: the emergence of a new form. *Emergency ration. Debates about politics and culture*. (6), (128). 2019.
- [4] Olick J. *The politics of regret. On collective memory and historical responsibility*. New York. Routledge. 2007.
- [5] Daniel Levy, Nathan Schneider. Human Rights and Conflicts of Memory: The Politics of Forgiveness. *Emergency ration*. (5), (127). 2019.
- [6] Vicky Osterweil. In Defense of Looting. *The New Inquiry*. (21). August. 2014.
- [7] American loan debts set a new record. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/08/2019/5d53cdc69a794712daa67cc2>. [Accessed: 11.03.2020]. (In Russ.).
- [8] Paul Craig Roberts, Dave Kranzler, and John Titus. The De-industrialization of America. URL: <https://www.paulcraigroberts.org/2014/08/11/de-industrialization-america/>. [Accessed: 11.03.2020]. (In Russ.).
- [9] The French authorities decided to raise the age for full pension. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/12/2019/5df103529a7947dfd595d94a>. [Accessed: 15.03.2020]. (In Russ.).
- [10] Spain lowers its forecast for GDP growth due to the struggle with the deficit. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/05/2010/5703da5e9a79470ab5020e4d>. [Accessed: 15.03.2020]. (In Russ.).
- [11] The British government is preparing to fire a million civil servants. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/business/pravitelstvo-britanii-gotovitsya-uvolit-million-gos-sluzhaschih?id=31993077>. [Accessed: 17.03.2020]. (In Russ.).
- [12] Heath D., Potter E. *Riot for Sale: How Counterculture Creates a New Consumer Culture*. M., 2007.
- [13] Lester K. Throw. The future of capitalism. URL: <https://www.modernproblems.org.ru/capital/89->. [Accessed: 11.03.2020]. (In Russ.).
- [14] Kostyaev S.S. Financial reform in the United States: the main provisions // *Economic and social problems of Russia*. (1). 2012.
- [15] Mariengof A. A novel without lies. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000437071/quotes-roman-bez-vranya-anatolij-mariengof>. [Accessed: 17.03.2020]. (In Russ.).
- [16] America is on the brink of a fascist rebellion. URL: <https://www.politforums.net/usa/1406135041.html>. [Accessed: 11.03.2020]. (In Russ.).

Research article

“The looters are just expropriating what they would otherwise have bought ...”

Towards the phenomenology of contemporary protest in the United States

S.A. Voronin, B.G. Yakemenko

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklay street, Moscow, Russian Federation, 117198

The article analyzes the phenomenon of social protests that swept the United States in 2020. The article considers the evolution of the concepts of “sacrifice” and “redemption” in the

modern public consciousness of the USA and Europe. The author analyzes the cause-and-effect relationships of what is happening, the phenomena accompanying the protests, in particular, looting, which is perceived by the protesters not as a marginal phenomenon, but as a necessary condition for restoring social justice.

Keywords: USA. Protest. Floyd. Looting. Victim. Redemption

Информация об авторах / Information about the authors

Воронин Сергей Анатольевич – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов, г. Москва, e-mail: svoronin.rudn@mail.ru.

Voronin S.A. – PhD in History, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: svoronin.rudn@mail.ru.

Якеменко Борис Григорьевич – к.и.н., доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов, г. Москва, e-mail: Borislj@mail.ru.

Yakemenko Boris – PhD in History, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: Borislj@mail.ru.

Для цитирования / For citation

Воронин С.А., Якеменко Б.Г. «Мародеры всего лишь экспроприируют то, что иначе купили бы...». К феноменологии современного протеста в США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 380–389. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-380-389

Voronin S.A., Yakemenko B.G. "The looters are just expropriating what they would otherwise have bought...". Towards the phenomenology of contemporary protest in the United States // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 4. P. 380–389. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-380-389

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 09.07.2020